

Н.С. ЛЕСКОВ

Николай Семёнович Лесков

О «Квакереях»
(Рассказы)

Николай Лесков

О «Квакереях»

*(Post-scriptum[1] к «Юдолю»)
Honnisoit qui mal у pense[2]*

Мои ретроспективные рассказы, напечатанные под заглавием «Юдолю», вызвали у некоторых лиц недоумения: некоторым из читателей показалось странно, откуда взялась квакерша в русском доме тридцатых – сороковых годов?! Этим читателям помнится, что тогда в дворянскую жизнь скорее врезывалось романтическое веяние римского католичества, к которому покровительственно относились обер-прокурор синода кн. Голицын и другие влиятельные особы тогдашней поры, но что тогда будто бы отнюдь неизвестно было «суровое – квакерское, религиозное резонерство». А потому упомянутым читателям думается, что эпизод с выведенной у меня квакершей Гильдегардой как будто бы не подходит к тому времени и отдает светом иной, позднейшей поры, наступившей после появления в русском обществе англичанина, лорда Редстока. Причем мне делают указания на сочинения протоиерея Михаила Як. Морошкина и гр. Дм. Андр. Толстого о иезуитах, а

также и на то, что писали о Редстоке кн. Мещерский и другие, «совоспитанные ему». Некто же, более прочих уверенный в основательности своих сведений по истории «посторонних религиозных влияний», утверждает, будто «квакеров даже и не видали в России до нынешнего (1892) года, когда они прибыли сюда под именем *Друзей* и привезли в Россию денежную помощь для голодных».

Такие замечания очень многозначительны для писателя, и на все эти с разных сторон доходящие до меня замечания я считаю необходимостью дать читателям моих воспоминаний объяснение.

Вначале скажу, что я, конечно, читал и знаю, что писали о католичестве в России протоиерей Морошкин и граф Дм. Толстой, а о Редстоке есть книга, написанная мною самим, и за сведениями об этом англичанине мне нет никакой надобности обращаться к сочинениям кн. Мещерского, – а затем перехожу к объяснениям по самому существу выраженных «недоумении».

Совершенно справедливо и в исторических изысканиях последнего времени с досто-

верностью доказано, что в тридцатых годах среди русской знати имело значительный успех стороннее влияние римского католицизма, а не протестантство, но это отнюдь не доказывает, что тогда совсем не имели участия в русской жизни и другие религиозные веяния, исходившие от людей, известных под общим наименованием «пиетистов» (от pietas – благочестие), в числе которых были и квакеры.

Так как в «Юдоли» я сообщаю воспоминания, касающиеся только моего родственного круга, то для оправдания себя лично я почел бы достаточным сказать, что по отношению к протестантам мы в своем родственном кругу были в особливых, сближающих условиях, так как одна из моих теток была замужем за англичанином, и все мы (тогдашняя молодежь) выросли в уважении к верованиям и благочестию родственного нам английского семейства, в котором наши старшие нередко ставили нам, молодым, на вид образцы деятельной христианской жизни, послужившие нам во многом примерами. Мне кажется, одной этой ссылки было бы довольно, чтобы чи-

тателю стало ясно, как в семью нашу проникал немножко дух английской религиозности и почему живая душа тети Полли после своих хромых движений туда и сюда – на оба колена – нашла облегчение и попутный ход к свету в содружестве такой женщины, как описанная мною молодая и очень красивая квакерша Гильдегарда Васильевна, которую тетя Полли встретила случайно, быстро ее поняла и оценила, а потом страстно к ней привязалась и часто называла ее своею «крестною матерью», хотя без всякого сомнения Гильдегарда над моею тетушкою водного крещения не повторяла.

Московские старожилы, которым сколько-нибудь памятно английское население «Шкотовского дома» в Леонтьевском переулке, конечно знают, что там, в этом старом доме, пока он принадлежал г-же Шкот (мачехе мужа моей тетки), всегда был выбор англичанок, занимавших места воспитательниц. И это всегда были особы нравственные, иногда очень образованные и всегда строго религиозные.

Отсюда они разъезжались «на места» по

России, и по преимуществу в те губернии, где четыре сына «старого Шкота» (Якова Яковлевича) занимались управлением большими помещичьими *имениями* Нарышкиных и Перовских.

Соседи просили их рекомендовать «англичанок» *благонадежных* и получали как раз таких, каких просили.

Из этих воспитательниц очень многие «приросли» к своим воспитанницам и остались друзьями их *на всю жизнь*. А между ними бывали и методистки и квакерки. Ни рекомендатели, ни наниматели в этом никакой разницы не полагали.[3]

Следовательно, квакерке прийти в орловское дворянское семейство тогда было очень просто, и она для этого не имела надобности прибегать ни к каким хитростям. На этом, я думаю, можно бы и кончить, ибо ясно, что в наш родственный круг было откуда прийти квакерше; но таким образом выяснился бы только частный случай, касающийся нашего родства; да и в том читатель должен бы был принимать мои слова на веру, – чего я не желаю. А я хочу и должен основательно удосто-

верить читателя, что квакеры впервые появились в России не в 1892 году, «с пособием», а что они были здесь гораздо ранее, не только «до Редстока», но даже и до нашего рождения, – что присутствие их (мужчин и женщин, и даже *особенно женщин*) у нас тогда уже очень чувствовалось и даже вызывало правительственные меры. К этому теперь и прошу внимания.

Я не знаю, по какому случаю в Сибирь были сосланы из России «последователи квакерской ереси: квакеры и квакереи» (sic), но в числе нескольких бумаг о «сибирской старине», подаренных мне покойным сибирским уроженцем – известным золотопромышленником и русским генерал-майором Вениамином Ивановичем Асташевым, есть обстоятельная записка именно «о квакереях» (то есть женщинах), и в этой интересной записке, составленной со ссылками на года и на лица, значитесь следующее:

«*Квакереями* в преданиях томских старожилов называются *последовательницы квакерской ереси*, сосланные в томский де-

вичь-монастырь, в послушание и тяжкие монастырские работы. Колодницы эти, числом двадцать две, *имели большое влияние на религиозные понятия тогдашних томских обывателей.* Осужденные за богомерзкую ересь, эти женщины прибыли в томский девичь-монастырь в 1744 году и оставались в нем даже и тогда, когда самый монастырь был уже упразднен и церковь его обращена в приходскую. О них в памяти томских старожилов сохраняется много „разнообразных преданий“. Предания эти довольно обширны, и излагать их в подробностях для нашей цели нет надобности, но из всех из них вытекает прямой вывод, что в Сибири о „квакереях“ знали, и сначала судили о них различно – кто хорошо, а кто худо: одни почитали „квакерей“ за добрых, благочестивых женщин и относились к ним с большим уважением, а другие видели в них вредных „еретиц“ и пренебрегали ими. Эти последние обходились с квакереями недружелюбно и желали вызывать против них общее недоверие и строгости. Автор Асташевской записки (духовное лицо одной из сибирских епархий), на основании известных

ему соображений, предполагает, что не все двадцать две томские колодницы содержали квакерскую ересь и что между ними были и другие сектантки: но во мнении томских обывателей все они неправильно почитались под одну стать „квакереями“. Из них, по рассказу этого очень обстоятельно осведомленного автора, особенно известна была некая „матеря Надёжа Григорьевна“. По описанию, это была очень дородная женщина, „огромного роста“, которая прославилась „благочестивою жизнью“, и томские любители благочестия ходили к ней молиться и „советоваться в семейных делах, а особенно в горестях“; а по соседству с „матерью Надёжею Григорьевною“ жил ее брат „и другие квакереи“, прожившие в Томске более пятидесяти лет и оставившие по себе воспитанников, подобных по духу самой Надёже Григорьевне».[4] Но в чем именно и как выражался дух «матерой квакереи Надёжи Григорьевны» – автор записки не разъясняет, но зато в записке встречается отдельное упоминание о другой квакерее, по имени Марии Матасовой, при которой значится, что ей ставили в вину. Из отметки о

Матасовой видно, что в 1826 году священник томского Благовещенского собора, Никифор Большанин, сделал в томское духовное правление «донос», в котором притом прописал и общую характеристику деятельности «квакереи» (Указ тобольской консистории 1826 года, за № 3067). Из доноса видно, что названный сибирский духовный, надо полагать, имел что-то неприязненное против священника того монастыря, в котором были заключены квакереи, и сочинил донос так, что значительная тягость помещенных в нем обвинений падала на монастырское духовенство. Соборный священник Большанин писал, что «хитрые квакереи учили своих почитателей строго соблюдать все внешние обряды православия, казаться наружно православными и *задабривать, сколько возможно, приходских священников, чтобы они не имели на них никакого подозрения.* Эти наставления они прежде всего исполняли сами и в глазах своих монастырских священников в *течение сорока лет казались строго православными,* так что эти священники, обязанные ежегодно доносить об их поведении, постоянно отзыва-

лись, что *присланные квакерской ереси расстриги девки житием пребывают исправно и веру христианскую содержат во всем, как христианская должность повелевает: до церкви святой для слушания славословия божия всегда ходят неленостно, у исповеди и св. причастия бывают, иные по дважды, а другие по вся посты неотменно, и *прежнего за ними злодействия ныне не оказывается*» («Репорты священника Шихова 1760 года и Дулепова 1775 года»).*

Из вышесказанного ясно видно, что священники, которые должны были уметь различать дух ересей, разумели «присланных» за последовательниц «квакерской ереси» и исправляли их от «прежнего злодействия», которое, без сомнения, заключалось в квакерском понятии об обрядах, о власти и о прочем, что отличает религиозные мнения этих людей, ставящих выше всего личное духовное возрождение.

Таким образом записка, сохранившаяся в бумагах известного сибиряка, генерала Асташева, дает несомненное удостоверение, что «квакереи», у нас действительно *были*, а да-

лее, – эта же записка представляет и любопытные сведения о том, как эти квакереи дожили век свой в Томске.

Настоятель томского мужского монастыря, архимандрит Лаврентий, в «промемерии», поданной им посетившему Сибирь историографу Миллеру, объяснил, что в девичьем монастыре, в котором жили присланные двадцать две девки-квакереи, «положение бедственное: церковь одна, деревянная и весьма ветхая, та такова ж и ограда, келий шесть – вси ветхия; вкладчиков, служителей и крестьян нет, и земель и угодий не имеется». А после архимандрита Лаврентия сам причт монастыря, где томились квакереи, жаловался митрополиту Сильвестру, что у них церковь уже «в развалкнах», «в монастыре монахинь нет, а ссыльные расстриги *девки-квакереи живут на мирском подаянии*»[5]

Автор записки, дошедшей до нас через руки генерала Асташева, доискивался и того, кто были эти томские квакереи, и пришел к убеждению, что «это были *раскольницы, представшие к немногим подлинным русским квакерам*».

Следовательно, квакеры и «квакереи» были известны отцам нашим.

Любопытная судьба сосланных в Сибирь квакерей, по записке, дошедшей от генерала Асташева, кончилась тем, что двадцать из них перемерли до 1784 года, но две – Мария Дмитриевна и Анна Васильевна – жили очень долго, и когда монастырь развалился, они сделались предметом немалых забот для начальства. Явился вопрос о том, куда их пристроить. «По закрытии томского монастыря», который совсем обеднял и разрушился до того, что жить в нем стало невозможно, – квакереи Марью Дмитрову и Анну Васильеву «следовало перевести в енисейский монастырь». Почему опять это так «следовало» – из записки не видно, но видно, что тут вздумали посмотреть на этих двух остальных квакереи: каковы они были в это время, и тут увидали, что время их не пощадило и что они уже так слабы и ветхи, что их совсем «нельзя переводить», и «того ради» их тогда решились подвести под манифест «к освобождению из содержания». Об этом началась новая перепис-

ка и «продолжалась год», а в апреле 1784 года последовало распоряжение: «так как колодницы-квакереи Мария Дмитрова и Анна Васильева находятся в Сибири чрез 39 лет *ивесьма престарелые*, и через такие многие годы от них противности церкви святой не оказывается, то по старости их, не переводя из оногo места по отдаленности в содержание в енисейский штатный девичь-монастырь, оставить по смерти их при той же в городе Томске церкви (где был монастырь), при коей они ныне находятся *на мирском подаянии, под смотрением духовного правления, и приходского священника, и тамошнего городничего*, а вперед их в числе колодников уже не показывать».

О смерти этих двух последних из «квакереи» в записке, дошедшей ко мне от генерала Асташева, ничего не сказано, но надо думать, что старушки-квакереи и в последние свои дни на земле никаких «противностей» и «злodeйств» не оказали и ничем не испортили той доброй репутации, последствием которой было распоряжение не посылать их в Енисейск, а оставить умереть там, где они прожи-

ли сорок лет, не причиня никакого вреда никаким людям.

Такого же духа была и «сердечный друг» тети Полли – англичанка Гильдегарда.

Да будет легка, как пух, над их костями земля русская и – «Nonni soit qui mal y pense».

*Впервые опубликовано – журнал
«Книжки недели», 1892.*

Примечания

Приписка (*лат.*)

[^^^]

2

Пусть будет стыдно тому, кто об этом плохо подумает (*франц.*).

[^^^]

Теперь мне приходит на память один неважный, но характерный случай, дополняющий картину отношений родственников моих к квакерским женщинам. Из числа моих двоюродных братьев один овдовел в очень молодых годах, и у него осталось трое детей, с которыми он не знал, как управиться, и очень тосковал по своей прекрасной скончавшейся жене. Тетка наша, бывшая за англичанином, очень сожалела этого своего племянника, но разделяла его опасения, что жениться во второй раз очень рискованно, ибо первобрачным детям при мачехе будет худо. Они перебирали на совете множество известных им девушек и все находили, что «ненадежно» и «страшно»: жена может выйти изрядная, а для того, чтобы вышла добрая мачеха, – ни одна этому не отвечала. Тогда тетка и сказала племяннику: «Разве вот что: если ты действительно честный человек и хочешь жениться для счастья семьи, а не для одной своей утехи, то поезжай в Англию, найди там себе расположение в квакерской семье и женись на

квакерке. Они умеют приводить мир в дом». Родственник наш так и сделал, – он уехал в Шотландию на целый год и возвратился оттуда с молодой женою, которая в первый же день своего приезда в дом мужа собственноручно вымыла baby-soap'ом (Детским мылом) уши его детям и повела их так, что ничьи глупые научения не помешали ей овладеть их почтением и любовью. А когда это так пошло, то другой брат этого родственника, холостой, тоже пожелал жениться на англичанке, и притом на такой, которую ему посоветует взять свояченица. Та это обдумала и исполнила: она дала ему письмо в свою родную семью, где он нашел себе суженую в младшей сестре жены своего брата и не избег этой судьбы: он женился на ней и остался навсегда в Англии, в семье престарелого тестя своего, а свое имение в России передал брату и с ним рассчитался. Не возвращался он в Россию, как говорили, потому, что здесь брак двух братьев с двумя сестрами мог быть признан незаконным, а также и потому, что очень полюбил семейство жены и не хотел огорчать ее разлукою с ее отцом. Итак, этот наш чистосер-

дечный родственник с очень милою, поэтической натурою навсегда отчуждился от родины, и мы его совсем потеряли из вида, но слышали, что он пользовался в общине прекрасною репутациею и видел на себе и на семье своей «благословение божие», – что, по их манере выражаться, заменяет понятие, усвоенное словом: он «был счастлив» (*прим. Лескова*).

[^^^]

4

О брате Надёжи Григорьевны нет объяснения: был ли и он тоже квакер и были ли с ним сосланы тоже другие лица мужеского пола, или он один попал сюда при сестре и других квакереях (*прим. Лескова*).

[^^^]

Хотя и нет никакой причины сомневаться в справедливости объяснений, поданных причтом митрополиту о том, что «квакереи живут мирским подаянием», но есть, однако, данные, по которым можно предполагать, что и в старости своей «квакереи» искали средств жить трудами рук своих и делали что могли и что умели. В числе тех же самых бумаг, подаренных мне покойным генералом Асташевым, есть разрозненные листки приходных и расходных тетрадей, из которых видно, что старушки жили как будто общиною – сообща покупали писчую бумагу, свечи, чернила и краски и «писали заказы», то есть занимались *списыванием книг*, за что получали плату и вносили ее общею статьею на приходе. Так же общим расходом показываны издержки на крупу, соль, масло, холстину и проч. обиходные вещи. Есть у меня и три листка их письменных работ, совершенно схожих с такими же работами инокинь староверческих скитов. Письмо мелким и очень красивым полууставом, и очень красивые заставки с

пеструю орнаментовкою, разделанной лазорем, киноварью и золотом, и в коймах цветы, птицы и травы со тцанием. На одном листке поздравительное письмо к благодетельнице, на другом – отрывок какого-то «утешения», а третий – самого изящного письма и тонкого, красивого рисунка с золотом – «Стишок», или «песнь», – весьма милая и особенно трогательная по положению трудившихся над ее воспроизведением. Это «песнь к душе», начинающаяся словами:

*Душа моя – странница,
Не здешнего мира ты,
К чему прилепляешься
И чем очаруешься?
Ты птичка залетная,
Пурхая(sic) по радостям,
Пришла в дебри страшные
Неведенья дикого.*

(прим. Лескова).

[^^^]